

**АНТРОПООРИЕНТИРОВАННЫЕ НОМИНАЦИИ И ИХ МЕСТО
В ЭКЗОГЕННОМ РАСКРЫТИИ МЕТЕОНИМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА**

В. П. Васильев

**ANTHROPO-ORIENTED NOMINATIONS AND THEIR POSITION IN THE EXOGENOUS
REVELATION OF METEONYMIC CONCEPTS**

V. P. Vasiliev

Статья продолжает исследование фрагмента культурно-языковой картины мира крестьянства как определяющего для русского этноса сословия. В ней предлагается анализ системы антропоориентированных номинаций, объективирующих базовый концепт *роса*, с точки зрения стоящих за ними специфических черт сельского мира, его культуры и менталитета.

The paper continues the research of the fragment of the linguocultural picture of the world of peasants as the main social layer of the Russian ethnic community. The paper presents the analysis of the system of anthropo-oriented nominations, which help to objectivize the basic concept *dew* as far as the specific features of the rural world, its culture and mentality underlying the concept are concerned.

Ключевые слова: русские народные говоры, диалектная картина мира, денотативный класс, антропоориентированные номинации, метеоним, концепт, ментальность, традиционная культура русского социума.

Keywords: russian folk dialects, the world dialectal map, denotative class, anthropo-oriented nominations, metonym, concept, mentality, traditional culture of the Russian society.

Генетическое и актуальное единство Человека и Природы, по-разному реализованное в эпохи земледелия и промышленности, вступает в новый этап – «век природы», «когда дефицит и непрочность природного пространства становятся самой драматической проблемой для будущего человека и его выживания» [18, с. 54]. Перемены климата, снижение концентрации озона в стратосфере, невозможность воздуха и воды к естественному самоочищению, наводнения и засухи и т. д. – все эти явления, вызванные взаимовлиянием общества и природы, приводят к осознанию ухудшающейся экологической обстановки и к необходимости предупреждения и ликвидации экологической угрозы [22, с. 229].

Гармонизировать отношения человека с природой – значит «признать за человеком право на природу» и жизненную необходимость предоставляемых ею трёх видов нематериальных богатств: это биологические "услуги" (польза, приносимая здоровью тишиной, чистым воздухом, разрядкой физического напряжения), эстетические "услуги" (духовное наслаждение, доставляемое красивым пейзажем), научные "услуги" (данные для научных или педагогических исследований, получаемые в результате изучения совокупности геологических факторов и факторов растительного и животного происхождения)» [18, с. 31, 55]. Особенно остро дефицит природной среды ощущается городским населением, которое практически лишается «ветров, дождей, снегов, солнца, гор, цветов и лесов – истинных богатств человека» [цит. по: 18, с. 57], о чём свидетельствует стремление урбанизированного жителя на природу.

В связи с актуальностью решения экологических проблем и формирования нового типа экологических отношений между обществом и природой, нацеленных на сохранение благоприятной окружающей среды, длительного благополучия в существовании и

развитии человечества [22, с. 230], может оказаться небесполезным учёт опыта природопользования сельским населением, которое принимает законы природы и знает, «как жить и умирать в гармонии с природой» [15, с. 165 – 166].

В данной статье акцентируется внимание на особенностях восприятия и понимания сельскими жителями одного из метеорологических явлений в связи с согласованными с ним различными способами их жизнедеятельности. Она продолжает серию работ по изучению языковой картины мира русского крестьянства, воплощаемой базовыми метеонимическими концептами [1; 3; 6; 8], в тесной связи с традиционной культурой деревенского сообщества [4; 5; 7].

Предметом рассмотрения служат антропоориентированные номинации, характеризующие человека как субъекта сознания и деятельности, взятого в его реальном взаимоотношении с метеорологической средой, а именно: росой как видом образующихся атмосферных осадков.

Характером предпринятого исследования обусловливается постановка задач, которыми предусматривается:

- установить семантический спектр антропоориентированных номинаций;
- показать, что есть деревенский человек в его языковом «обживании» явления росы;
- определить роль обозреваемых номинаций в воспроизведении концептуальной информации о явлении росы.

Основу источниковой базы работы образует корпус языковых средств (слов, фразеологизмов, устойчиво-номенклатурных сочетаний, поговорок, словесных формул), извлечённых из словника «Словаря русских народных говоров» [21] и картотеки «Сибирского метеорологического словаря» [19].

В арсенале антропоориентированных номинаций, сопряжённых своим содержанием с метеонимом *роса*, выявляется разная направленность в отношении человека и росы: в антропоцентрических номинациях, раскрывающих категорию «природа в человеке», содержатся знания о различных проявлениях человека в его обусловленности росой (ср. ом. *маковой росинки не выпросишь* 'об очень жадном человеке', ирк. *пустить росу* 'ирон. заплакать'); в антропоморфных единицах, характеризующих освоение явления природы с позиции человека (ср. том. *слезинка* 'капля какой-л. жидкости: росы и т. п. ...'), отображается категория «человек в природе». Однако в тех и других случаях этими отношениями «захватываются» такие выразители жизни человека и социума, как производственная и собственнотрудовая деятельность, физическое, физиологическое и психоэмоциональное состояние человека, бытовые и обрядовые обычаи, а также праздники.

Рассмотрим через языковую призму различные ипостаси человека в его отношении к метеоявлению роса.

Человек телесный в его отношении к реалии природно-климатической среды

Физическое состояние человека, обусловленное действием росы, на разных территориях обозначается рядом производных глаголов с корнем *рос-*а: ср.брян. *роситься* 'мокнуть, идя по росе'; кубан., амур. *ороситься* 'вымокнуть от росы'; ряз. *изроситься*, ворон., зап. брян., курск., пск., ряз., смол. *оброситься* – 'вымокнуть от росы, дождя'; курск. *зароситься* 'замочить росой (одежду, обувь и т. п.)'. Их семантическое содержание, отображающее изменение качественного признака в направлении "не покрытый, не пропитанный водой" → "покрытый, пропитанный водой", задаётся словесными идентификаторами *мокнуть* 'становиться мокрым, сырым под действием влаги' (>*вымокнуть* 'стать совсем мокрым') или *мочить* (>*замочить*) 'делать мокрым, влажным', что косвенно эксплицирует агрегатное состояние атмосферных осадков, покрывающих траву, листья деревьев. Ср. ряз. *оброситься* 'вымокнуть от мокрой травы, листьев и т. п. (мокрых от росы или после дождя)'. Состояние мокрого тела и мокрой одежды переживается деревенскими жителями по-разному: а) как вынужденное положение по причине неотложных хозяйственных работ – *Ну как же? На траве, везде прямо вода, вода стоит. Что ты. Вот, бывало, скот пасёшь, вот мокрый вот до сих пор. Роса-то была, мок весь, больша* (Кем.). *Копала картошку утром – вся оросилась* (Амур.); б) как нежелательное положение, отвлекающее от нужных дел – *Пойду я, стану для его роситься. Нехай сам идёт* (Брян.).

Из всего разнообразия физиологических состояний и физиологических действий человека на языковое освоение через призму росы приходятся такие сферы, как здоровое/болезненное состояние (см. раздел о человеке религиозно-мифологическом), а также процессы, связанные с удовлетворением потребности в питании. Ср. примеры из песен: *Возьми тую росицу, Ты дай братцу напиться* (Смол. Ряз.). *А что ж мы с*

тобой, мой голубчик, пить будем? – А мы пить будем холодную росицу (Орл. Казан.).

Состояние, вызванное отсутствием приёма пищи, манифестируется группой выражений:

волог. *хлеба даже росинки во рту не бывало* 'ни крошки хлеба не ел';

моск., твер. *и маковой росинки не проглотить*, перм. *и росинки не едать*, ряз. *ни росинки не покушать* (*поесть*), пск. *ни маковой росинки не кушать* – 'ничего, нисколько, ни крошки (не есть)';

диал. *ни росиночки, ни порошиночки во рту не было*, новг. *ни росинки божьей во рту не бывало*, перм. *росинки в роту не бывало*, вят. *в роте росинки не было*, алт. *даже росинки в рот не брал(а)* – 'ничего не ел, не пил'; ом. *во рту росинки маковой не было* 'о чувстве голода'.

В них показывается применение номинаций *росинка* 'капля росы', *росиночка* 'уменьш.-ласк. к росинка' к продуктам питания, в результате чего в данных выражениях они закрепляются в других значениях: волог. 'крошка хлеба' (*росинка хлеба, не едать, не покушать ... росинки*), 'самое малое количество чего-л., крупица, капля'. Анализ этих примеров вскрывает номинативную обратимость в познании сопрягаемых сфер действительности, символизируемой когнитивной моделью «продукты питания ↔ атмосферные осадки», которая устойчиво прослеживается в славянских лингвокультурах [9, с. 31]: ср. *крупя* 'пищевой продукт' → 'мелкий град', *бус* 'мука' → 'мелкий частый дождь' (ср. *мукосей*), пск., твер. *крохотина* 'крошка' > пск. *крохтинка* 'малая часть чего-л.: крошка (хлеба) → капля (дождя)', подтверждаемую контекстом: *Не даст крохтинки дожжса* (бог) (Пск.). Во всех случаях функционирования «росяные» наименования выявляют свои эмические семы "капля", "влага", "чрезвычайно незначительный по размеру" (*росиночка = порошиночка, маковая росинка*), "ласковость". Некоторые из них приобретают в контексте психологическую яркость за счёт активизации языковой корреляции размера и количества.

Антропоморфный корнеслов *-ед-* со значением повреждения неодушевлённого объекта, окрашенным отрицательной утилитарной оценкой, включает в себя слова кем. *едучий*, кем., том. *съесть – съедать* 'перен. причинить (причинять) вред сельскохозяйственным культурам (о росах, туманах и под.)', том. *поесть* 'погубить, повредить', сочетаемость которых ограничивается метеонимами *роса, туман*. Ср. *Она едуча роса бывает, иной раз съедает ягоду* (Кем.). *А худа роса упала, вредна. Съела всё. Лук ли чё ли – поела всё, испортила* (Том.). Глаголы повреждения неодушевлённого объекта метафорически восходят к глаголам физиологического действия: *есть* 'питаться чем-л. пережёвывая пищу с помощью зубов и языка и глотая её, тем самым давая организму питательные вещества, необходимые для его жизнедеятельности' (ср. некоторые синонимы: *поглощать*, прост. *пожирать, жрать*, разг. *уничтожать*). Через перенос номинации проявляется признак архаичной культуры, связанный с бессознательной эмоциональной сращённостью человека с явлениями и существами природы.

Выражение *натоптать росы* 'пожить в добром здоровье и благополучии' (<*роса* 'трава, покрытая влагой') интегрирует прямой смысл о здоровье: «*ходи по росе – будешь здоров*» и опосредованный через установление сакральной силы воды ранним утром, до восхода солнца [20, с. 387]. См. в русской волшебной сказке совет Михайле Потык-Ивановичу, которому враги выкололи глаза: «*кто в эту пору-времечко помоутся росой с иной шелковой травы, тот здрав будет*» [20, с. 474].

Человек переживающий в его отношении к реалии природно-климатической среды

Эмоциональное отношение носителей языка к себе подобным отображается в номинациях, обозначающих с участием метеонима как детей, так и взрослых. Привлечённые к анализу лексемы и эквивалентные им выражения, фиксируя двухкомпонентность эмоциональных явлений (состояние субъекта + характеристики объекта эмоций) [10, с. 427 – 434], отличаются друг от друга выражением положительной или отрицательной стороны эмоциональных переживаний.

Положительная эмоция, представленная в виде семы "ласковость" в слове пск., твер. *росиночка* 'ласковое обращение к ребёнку', связывается с такими характеристиками незрелого существа, как "небольшой по возрасту" (ср. влад. *малыга* 'малыш, малютка; ребёнок', арх. *маля* 'малыш, крошка (в обращении)', тобол., тул. *малый*, в знач. сущ. 'ребёнок, дитя' и др.) и "невинный, непорочный" (ср. лит. *невинный младенец*, *невинный возраст*). Их психологическая яркость в метафорическом значении поддерживается соотносённостью с мотивирующим лексико-семантическим вариантом пск., твер. 'уменьш.-ласк. к росинка', актуализирующим при возникновении переносного значения как ядерные, так и периферийные семы – "незначительный/небольшой по размерам" (мелкий, малый, маленький), "ласковость" и – "лишённый примесей (чистый/прозрачный)".

Отрицательный эмоциональный заряд содержат в своей семантике фразеологизмы и поговорки, характеризующие человека а) по социальным качествам: ом. *маковой росинки не выпросишь* 'об очень жадном человеке', б) по моральным свойствам: ирк. *хоть плюй ему в глаза, он говорит божья роса* 'презр. о бессовестном человеке'; в) по внешнему проявлению отношения: ирк. *пустить росу* 'ирон. заплакать'.

Поговорка ом. *маковой росинки не выпросишь* 'об очень жадном человеке' входит в серию подобных, известных другим говорами стратам национального языка: ирк. *в крещенье льду не выпросить* 'презр. очень скуп', ирк. *зимой льда (снега) не выпросишь* 'проявляющий крайнюю скупость'; обл. *летошнего снега (снегу) не выпросишь*, прост. *прошлогоднего снега (снегу) не выпросишь*, лит.-разг. *зимой снега (снегу) не выпросишь* – 'презр. о скупом, жадном человеке'. Эффект пренебрежительной оценки человека, заложенный в приведённых выражениях, проистекает из-за его нежелания поделиться с другими небольшим количеством и даже ничтожно единичным того, чего много (ср. тобол. *роса* 'много'), что в избытке. Здесь

представление о росе, созданное реализующими его эксплицитными и имплицитными семами, активизируется в виде мелкой капли как части неисчислимого множества.

Во фразеологической единице ирк. *пустить росу* 'ирон. заплакать' (ср. олон. фольк. *росинка* 'слезинка') для изображения притворной жалости к кому-л., выраженной плачем, намеренно используется номинация росы, которая заключает в себе мифологический смысл о небесных слезах как богородном явлении, вызывающем удивление и умиление. Разоблачённая неспособность сострадать, переживать чужое горе (ср. *наслаждение* $\neq$ *боль, страдание*) внешне облечённая в форму сочувствия, сигнализируется в семантике оборота эмотемой "ироническое отношение". Ср. *Ну, пустила росу, да пора уж успокоиться* (Ирк.).

Выражение ирк. *хоть плюй ему в глаза, он говорит божья роса* 'презр. о бессовестном человеке' информирует о крайней степени презрения к человеку, совершающему низкие, неблагоприятные поступки и не считающему их предосудительными. Ничтожество непонятого человека подчёркивается употреблением словосочетания *божья роса*, обозначающего «святое» явление.

Человек хозяйствующий в его отношении к реалии природно-климатической среды

Хозяйствующий в природе человек предстаёт в двух ракурсах своей деятельности: как человек, имитирующий действия природы, и как человек, соизмеряющий свои действия с теми или иными проявлениями природы.

Подражательный характер деятельного селянина состоит в том, что он берёт на себя благотворную функцию атмосферного явления – увлажнять (впрочем более свойственную дождю), – широко известную и активно обсуждаемую в связи с предстоящим урожаем злаков, плодов, заготовкой зеленого корма и т. п.: ср. *Не дождём, так росами хлеб растёт* (Смол.), а также: *Не ударит дождь в налив, росой пшеница может налиться* (Кем.). *Вот ... колубничка с росы набирает себе ягоду...* (Кем.). *Лес сейчас – упала роса, зелено всё будет, земли нет* (Кем.). *... рос нету, трава желтет* (Кем.). Природа натолкнула сельского труженика, занимающегося огородничеством, на возможность воспользоваться в своей работе по выращиванию растений законом подобия деятельности-результата [17, с. 354 – 358] и тем самым преодолеть игру случайностей в выпадении росы путём рукотворного орошения почвы и произрастающих на ней культур: ср. спектр узколокальных значений производного глагола *росить* – урал. 'обрызгивать из лейки огородные растения до восхода солнца', ряз. 'увлажняя, проращивать что-л.', – обнажающего в своей морфо-семантической структуре уподобление действующего человека росе. Ср. *Потом, когда посадим капусту, росили; росили капусту утром, а вечером капусту поливали* (Р. Урал).

Трудовая деятельность деревенского жителя, в разной степени детерминированная росой, распространяется на такие виды его хозяйствования, имеющего место при росе или осуществляемого с помо-

щью росы, как а) работа с животными (выпас скота); б) процесс заготовки травы на сено и обеспечение его качества (сенокос); в) обработка льна; г) заготовка продуктов питания.

Так, уход за домашними животными в той его части, что связан с выгоном скота из дворов на пастбище, получает языковое означивание глагольными фразеологизмами тул. *знать на росу* 'выгонять лошадей или коров рано утром на пастбище', фольк. *погнать, выгнать (скот) на росу* 'погнать (скот) рано утром', составным элементом которых является метеоним *роса*, овнешняемый в данных устойчивых сочетаниях в реализованном значении 'трава, покрытая влагой ранним утром'. Метонимический сдвиг, который происходит в семантике метеонима при создании фразеологического оборота, объясняется приведением в действие когнитивной модели «метеоявление – объекты покрова этого метеоявления».

Роса выступает также моментом сенокоса как важной деятельности крестьянина в летний сезон. Одна из ситуаций сенокосной страды, отражаемая в модели «субъект – предикат удаления – объект – средство – место – время»: ср. *Ну раньше косили обычно литовками, косами. Время, значит, ну это уже август, это раньше поздно косили...* (Кем.). *Мы там [в Барсучьем лугу] сено косили. Он травяной лог (Кем.). Лебязьи дуга косили все (Кем.). Днём косили и утром косили, когда роса была (Кем.)*, манифестируется в языке рядом компонентов своего «ансамбля».

Предикат со значением косьбы как срезания травы с поля косой, инкорпорируя большинство компонентов ситуации, в специализированном выражении разными типами единиц отягощается темпоративом. Ср. ленингр. *по росы косить* 'косить ранним утром, когда ещё роса не высохла'. Реальный смысл далее приводимых простых и сложных номинаций, связанных этой темой, формируется с участием лексемы *роса*, получающей вторичное метонимическое осмысление по модели:

– «метеоявление → время, когда это метеоявление наблюдается» (*роса* → раннее утро, когда лежит роса): ср. ленингр. *по росы косить* 'косить ранним утром, когда ещё роса на высохла'; влад. *роса*, влад. *росник* – 'сенокос в раннее утро (пока роса на траве не обсохла)';

– «метеоявление, приуроченное к определённому времени суток, → сельскохозяйственная деятельность в то время суток, которое характерно для этого явления»: ср. калин. *росы утренние, вечерние* 'косьба утром и вечером'.

Языковая активизация компонента "место косьбы (травы на сено)" происходит на базе другой ситуации сенокоса «субъект – предикат однонаправленного движения – исходный пункт – конечный пункт», при обозначении которой компонент "конечный пункт" номинируется предложно-падежным сочетанием *на росу*: ср. влад. *на росу уйти, пойти* 'отправиться на сенокос'. В этом примере употребление метеонима также обуславливается его метонимическим переносом по модели «метеоявление → объекты покрова этого метеоявления» (*роса* → покрытый росой луг, предназначенный для сенокосения).

Устойчивые обороты (субстантив-атрибутивное и глагольные словосочетания: ленингр. *по росы косить*, влад. *на росу уйти, пойти*, калин. *росы утренние, вечерние*), морфо-семантические (влад. *росник*) и семантические (влад. *роса*) производные объективируют производственный, хозяйственный опыт селян – осознание целесообразности сенокосения в утреннюю или вечернюю пору, когда наличие росы несколько облегчает трудоёмкий процесс заготовки кормов. Ср. *Косить-то выходили, как начнёт росинеть* ['выпадать. О росе'] (Иван.). Положительный утилитарный угол зрения подчёркивается афористическим выражением кем. *коси, коса, пока роса (роса долой – косец домой)*, которое обобщает и конденсирует идиотническую практику, сочетающую реальное и ментальное.

Атрибутивы ряз. *однорослый/одноросный, двухросный, трёхросный* – 'высушенный в течение одного дня (в течение двух суток). О сене' содержанием своей внутренней формы 'окропленный одной (двумя, тремя) росой (росами)' характеризуют и дифференцируют скошенную траву с точки зрения полноценности и доброкачественности будущего продукта, корма для скота.

Таким образом, в ситуации сенокосения актуализируется утилитарная значимость (польза) метеоявления не только с точки зрения субъекта крестьянского сельскохозяйственного процесса, но и с точки зрения его результата, поскольку, с одной стороны, при росе увеличивается скорость процесса и тем самым количественная сторона его результата в единицу времени (аграрный регламент прошлого при низкой производительности труда и максимальной зависимости от капризов погоды, надо сказать, поражает жёсткостью), с другой стороны, воздействие росы повышает качество конечного продукта: *Како [теперь] сено? Обыдённое... бывало, три росы лежит, а сейчас скосят – и метай. Про сено так говорят: три дня пролежало – три росы, а два дня пролежало – две росы. Чего гребли с двух рос? Никогда с двух рос не гребут, в лесничестве выдерживают три росы [сено] (Ряз.)*.

Осознаваемая диалектоносителями польза росяной влаги в обработке (льна, конопли, холстов и т. п.) и для переработки (ягод) запечатлевается в русских народных говорах производными словами вят., перм., ряз. *росить* 'перех. расстилать под росу, увлажнять росой', вят. *росение* 'стилка льна на траве для увлажнения его росой' и устойчивым словосочетанием алт. *росами дойти* 'увлажниться росой', а также ряз. *про-росить* 'продержать на открытом воздухе, подвергая действию атмосферных осадков'.

Роса, как видно из дефиниций, используется при первичной обработке льна в силу особенностей своего агрегатного состояния. Кроме того, в языковом сознании селян не утрачивается актуальность предназначения росы покрывать собой поверхность чего-л. Для усиления воздействия росяной влаги на стебли льна его раскладывают по поверхности земли (ср. костр. *стлать* 'раскладывать лён тонким слоем по поверхности земли для мочки его дождём и росой'). Релевантность расстилания имеет следствием наличие в лексической системе вариантов производного суб-

стантива: ворон., казан. *стланцы* ‘лён, конопля, расстилаемые на земле под дождь, росу и солнце для более лёгкого отделения волокна от кострики’, ср.-обск. *стланка* ‘лён, расстилаемый на земле под дождь, росу и солнце для более лёгкого отделения волокна от кострики’.

Морфо-семантические дериваты глаголов позитивного воздействия на объект: ряз. *проросить* ‘поддержать на открытом воздухе, подвергая действию атмосферных осадков’, ряз. *пророситься* ‘подвергнуться действию атмосферных осадков, побыв какое-либо время на открытом воздухе’ – реализуют общую семантику ‘создание объекта в результате трудовой деятельности’ в бытийной её составляющей ‘приготовление чего-л. впрок’.

Все разнообразные номинации трудовых процессов инициируют аксиологию концепта росы в той части, где вскрывается положительная утилитарная оценка метеоявления, благоприятствующего процессу и результатам традиционного ручного труда, а значит, способствующая стабильности и благосостоянию в семье и социуме как главной традиционной социальной характеристики, поскольку «крестьянское счастье – это прежде всего достаток» [11, с. 9]. Любопытно то, что этническая доминанта мировидения в кодирующей компетенции диалектоносителей, сосредоточенная на способах «использования» росы, иллюстрирует низкий технологический уровень, уровень ручного труда, присущий прошлому, а сам факт разветвлённости корнеслова указывает на то, что селяне выделяют поименованное явление как весьма значимое, систематически держат его в фокусе своих интересов.

Человек мифолого-религиозный в его отношении к реалии природно-климатической среды

Сведения о росе во многом усваиваются и анализируются крестьянином с позиции его мифолого-религиозных представлений о природе. Роса, признаваемая небородным явлением, воспринимается как сакральное и житнотворное начало, называется «*святой*», «*божьей*» [20, с. 470]: ср. чит. *божья вода*, н-сиб. *божья капля* – ‘экспр. роса’ ← *вода (капля)* росы как дар Бога; ирк. *хоть плюй ему в глаза, он говорит божья роса* ‘презр. о бессовестном человеке’, новг. *ни росинки божьей во рту не бывало* ‘ничего не ел, не пил’ и – лит.-разг. *всё божья роса* ‘ничего не волнует кого-л.’. Ср. поговорку: *Божья роса Божью землю кропит*, а также свободно сконструированные обороты речи: *Даже можно молитву на неё брать, потому что она роса Божья* (Кем.).

Вместе с тем мнение о божественном происхождении росы (ср. урал. *христова роса* ‘манжетка?») [12, с. 172] уживается со следами архаических дохристианских трактовок природного явления. В этом плане обращает на себя внимание ассоциативное сцепление понятий «капли росы ↔ слёзы», которое, обретя взаимнообратимый характер, материализуется на поверхностном уровне языка лексемами и оборотами: олон. фольк. *росинка* ‘слезинка’, кем. *как росинки* ‘о слезинках’ и – том. *слезинка* ‘капля какой-л. жидкости: росы и т. п.’. Возникновение образа «капли росы-как-слё-

зы» получает мифологическое объяснение: в русской загадке роса – это слёзы, которые роняет богиня Заря [20, с. 470]. Ср. *Заря-заряница, красная девица, по миру (по свету) ходила, слёзы (ключи) обронила, месяц видел, солнце скрало*, а также: лит. *заревая роса, слезинки росы, заплаканная от росы* [трава].

Помимо этого в традиционном укладе крестьянской жизни присутствуют разнообразные магические действия с росой, проявляющиеся в обычаях, обрядах, ритуалах или заклинаниях (заговорах). Это либо основывается на общеизвестных целебных свойствах росы (см. рекомендации для лечения ног [13, с. 25 – 26]), либо имеет сакральный смысл, поскольку одни действия становятся символами других. Традиционные действия магического свойства сопровождают личную жизнь крестьянок, входят в заботу селянина о своём здоровье, совершаются при уходе за домашними животными, учитываются в полеводстве.

Скотоводческая магия проявляется в широкораспространённом обычае выгонять животных ранним утром на «юрьевскую росу», поскольку считалось, «что, поев травы с юрьевой росой, скот станет более тучным» [12, с. 214], а коровы не будут болеть и будут давать много молока [14, с. 101]. Ср. свердл. *выгонять на Юрьеву росу* ‘выгонять скот со двора ранним утром на пастбище’. В народе также признаются магические свойства юрьевой росы, связанные с урожаем злаков: ср. *На Егорья роса – будут добрые проса* (в этот день выходили *росу топтать* (смол.) в уверенности, что это обеспечит хороший урожай хлеба, и в результате общей народной мудрости: *Кто рано встаёт, тому Бог даёт*).

Верой в целебную силу росы, подобное свойство которой особенно проявляется в день св. Юрия (ср. *Юрьева роса от сглазу, от семи недугов*) и на Ивана Купалу, вызван обычай кататься, ходить по утренней росе, купаться в ней, собирать росу и умываться или обтираться ею для избавления или предохранения от болезней: ср. свердл. *водить росой* ‘заставлять передвигаться утром по траве, покрытой росой’, онеж. *перекатывать на росы*, новг., олон. *катать, выкатывать и т. п. в двух, трёх росах* ‘заставлять коня кататься по росистой траве (от чего он будет сильным, красивым)’, олон. фольк. *купаться в росе, помыться росой* ‘умыться росой (от чего будешь здоровым, сильным)’, свердл. *ходить под Иванову росу* ‘купаться в Ивановой росе’ или *черпать росу* [14, с. 117 – 118] – волог. ‘собирать скатертью росу с травы для омовения лица и рук с целью изгнания болезней и очищения от угрей или прыщей’, пенз. ‘собирающие росы, предназначенной не только для здоровья, но и для выведения клопов и тараканов в доме’.

В заговорах с росой, направленных на человека, преследуются лечебные и предохранительные цели. К примеру, избавление от болезни в короткий срок основывается на магическом свойстве росы быстро высыхать на солнце: ср. *Есть молитва такая. Вот если человеку плохо, берёшь росу и говоришь: «Как роса эта быстро высыхает, значит, чтобы ты быстро перестал болеть»*. *Вот так я внуков* (Кем.). В качестве оберега от укуса собаки произносят заклинания, основывающиеся на множественности, неисчислимо-

сти «капель росы, что становится непреодолимой преградой для нечистой силы» [20, с. 474], воплощением которой является собака как хтоническое существо: ср. *Божья роса, залети собаке глаза* (Амур.).

Стремление к достижению желаемого результата в личной жизни заставляло крестьянок прибегать к собиранию «купальской» росы, умываясь которой, можно добиться внимания мужчины, заинтересовать собой: ср. ленингр. *росу взимать* ‘девичий обычай в ночь на Ивана Купалу собирать росу и ею мыться, чтобы «парни гонялись»’. Иллюзорная надежда завлечь мужчину, парня, внушить ему любовь к себе возлагается на приготовление приворотного зелья, в том числе и с росой, собранной с манжетки в полдень и в полночь в течение трёх дней тайно от чужого глаза: ср. *приворот (приворотник, приворотное зелье)* ‘манжетка (растение семейства розоцветных)’ ← *приворотить/приворожить* ‘в суеверных представлениях – ворожкой привлечь кого-, что-либо (с помощью настоя, напитка, приготовленного с использованием собранной с манжетки росы)’. Ср. *Приворотное зелье трава есь и пиво на хмелю, ну, понятно, штоб привезать ково* (Урал.). Любовная магия, связанная с воздействием росой, поддерживалась в традиционной культуре необходимостью в сохранении духовного и материального благополучия не только индивидуума, но и семьи и сообщества в целом: старинный крестьянский строй хозяйства и быта, с одной стороны, требовал своевременного замужества взрослой дочери (лишний рот при подушном землепользовании), с другой стороны, предписывал необходимость вхождения в дом молодой хозяйки как дополнительных рабочих рук.

Анализ антропоориентированных номинаций, образованных с участием метеонима *роса*, показывает, что в них раскрывается деревенский житель со стороны составляющих его природно-биологических, психических и социальных ипостасей существования и особенностей его менталитета. Всеми этими ракурсами, проявляющимися в миропредобразующей и культурообразующей деятельности, он жизненно-практически входит с сельский мири приобретает объективное знание о нём.

Способ рассмотрения и осмысления антропной сферы (человек, его действия и продукты деятельности) происходит в свете представлений о росе как объекте потребности и действий человека [16, с. 256] или текущего условия. Причём метеоним *роса* и производные от него единицы образуют свод лексико-фразеологических средств, характеризующих человека и его деятельность, либо в своём первичном и прямом значении (ср. амур., кубан. *ороситься* ‘вымокнуть от росы’), либо во вторичном и непрямом значении – метафорическом (ср. олон. фольк. *росинка* ‘слезинка’, волог. *росинка* ‘крошка хлеба’, урал. *росить* ‘обрызгивать из лейки огородные растения до восхода солнца’) и метонимическом (ср. влад. *роса* ‘сенокос в раннее утро’, урал., калин. *росы утренние, вечерние* ‘косьба утром и вечером’).

Установленное соотношение метеонима и антропоцентрических номинаций показывает, во-первых, широту вторжения явления росы в трудовую деятельность селян, в их досуг и связанные с ним духовные практики, а также использование образа росы при ха-

рактеризации субъектов социума и их отношений, во-вторых, действующие в крестьянском сообществе призмы мировосприятия (сельскохозяйственная, пищевая, антропная), через которые видится и само природное явление.

Обозначенные способы видения росы как образующихся атмосферных осадков, извлечённые также из антропоморфных номинаций, основываются на метафорах (ср. том. *слезинка* ‘капля какой-л. жидкости: росы и т. п.’; глагол повреждения неодушевлённого объекта кем., том. *съесть* ‘перен. причинить вред сельскохозяйственным культурам. О росах, туманах и под.’ ← глагол физиологического действия ‘принять какую-л. пищу, уничтожить, поедая’) и сравнениях (ср. *маковая росинка* ← *росинка как мак* ‘пищевой продукт’ и – кем. ... *дождж... бусит маленько так, как мак всё равно* [6, с. 103]).

Рассмотренные антропоцентрические и антропоморфные номинации расширяют денотативный класс, центрируемый метеонимом *роса*, в соответствии с принципом фамильного сходства составляющих его единиц. Так, например, отглагольное существительное *рошение* ‘стилка льна на траве для увлажнения его росой’ обнаруживает сходство с метеонимом *роса* по актуализированному в нём значению ‘влага, покрывающая траву’.

Подобные единицы, иллюстрируя центробежные связи с опорным словом денотативного класса, находятся на границе этого класса. Вместе с тем они обеспечивают экзогенную направленность в картировании концепта росы и дополнительно репрезентируют его содержание в виде единства социокультурных, логико-гносеологических и практических аспектов в освоении метеорологической реалии. Своей совокупностью антропоориентированные единицы поддерживают концепт, обнаруживая в нём различные виды информации – понятийную, аксиологическую и культурно ассоциативную [2]. Каждая из них структурируется такими когнитивными аспектами и представляется такими признаками, как «агрегатное состояние осадков»: "вода"; «вид составных частиц осадков»: "капля"; «количество составных частиц осадков»: "неисчислимое множество"; «источник образования осадков»: "небо"; «расположение массы осадков относительно других объектов»: "покрывать"; «величина составных частиц осадков»: "незначительный по величине", "очень незначительный по величине"; «виды объектов покрова»: "травы", "скошенная трава", "листья деревьев", "земля"; «время года»: "лето", "весна"; «время суток»: "утро", "раннее утро", "ночь", "вечер"; «эмоциональная оценка»: "положительная оценка"; «утилитарная оценка»: "приносить пользу", "причинять вред", "вызывать благоприятные последствия для хозяйственных работ человека и жизнедеятельности растений"; «податель росы»: "богиня Заря".

Экзогенные антропоориентированные единицы денотативного класса также высвечивают психологически яркий участок концепта (ср. ‘капли воды на траве в утреннее время’) и проблематизируют внесение/невнесение в содержание концепта аспекта «способ практического освоения образующихся осадков» (ср. брян. *роситься* ‘мокнуть, идя по росе’ и др.).

Литература

1. Васильев, В. П. Денотативный класс как категориальный фрагмент языковой картины мира / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2011. – № 1. – С. 155 – 161.
2. Васильев, В. П. Концепт в единстве его содержания и формы выражения. Метеоним *роса* / В. П. Васильев // Вопр. когнитивной лингвистики. – Тамбов: Ин-т языкознания РАН: Тамб. гос. ун-т, 2005. – № 2. – С. 51 – 64.
3. Васильев, В. П. Метеоним *дождь* в образно-речевой системе диалектного языка / В. П. Васильев // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – Новосибирск, 2012. – Т. 11. – Вып. 9. – С. 138 – 142.
4. Васильев, В. П. Метеорологическая картина мира Сибири в ее культурно-языковой интерпретации / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – С. 78 – 85.
5. Васильев, В. П. Метеорологическое слово в контексте его культурного существования / В. П. Васильев // Слово. Предложение. Текст. – Орёл: ОГУ, 2009. – С. 120 – 126.
6. Васильев, В. П. Образные реализации метеонимического концепта в диалектной речи / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 4. – Т. 3.
7. Васильев, В. П. Примета как культурно-ассоциативный слот метеонимического концепта / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – Благовещенск: АмГУ, 2013. – Вып. 10. – С. 152 – 160.
8. Васильев, В. П. Языковое картирование концепта в традиционном лингвокультурном сообществе / В. П. Васильев // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 169 – 174.
9. Васильев, В. П. Денотативный класс с опорным словом *град* как средство представления культурной информации / В. П. Васильев // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – Новосибирск, 2009. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 29 – 33.
10. Веккер, Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Л. М. Веккер. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.
11. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / сост. Ф. Ф. Болонев, М. П. Мельников. – Новосибирск: Наука, 1981. – 351 с.
12. Коновалова, Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург: Урал. пед. ун-т, 2000. – 233 с.
13. Лебедев, В. Народные рецепты от всех болезней / В. Лебедев. – М.: Мир книги, 2004. – 192 с.
14. Максимов, С. В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила / С. В. Максимов. – Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1991. – 351 с.
15. Партэ, К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / К. Партэ. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 204 с.
16. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн // Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М.: Педагогика, 1976.
17. Семёнов, Ю. И. Как возникло человечество / Ю. И. Семёнов. – М.: Наука, 1966. – 576 с.
18. Сен-Марк, Ф. Социализация природы / Ф. Сен-Марк. – М.: Прогресс, 1977. – 435 с.
19. Сибирский метеорологический словарь: опыт культурно-когнитивной интерпретации базовых метеонимов / авт.-сост. В. П. Васильев, Э. В. Васильева; под ред. В. П. Васильева. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2013. – Т. 1. – 351 с. (в печати).
20. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – 584 с.; 2009. – Т. 4. – 656 с.
21. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб: Наука, 1965 – 2007. – Вып. 1 – 41.
22. Хорошилова, Л. С. Социальная экологизация – залог экологической безопасности / Л. С. Хорошилова, А. В. Аникин // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2011. – № 3.

Информация об авторе:

Васильев Василий Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ, 8 (3842)35-06-19, wwpetrovich@rambler.ru.

Vasilij P. Vasiliev – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of General Linguistics and Slavonic Languages, Kemerovo State University.